

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

О. А. Беглова*

ЛЮБОЙ ЛИ ЭКСТРЕМИЗМ ПРОТИВОПРАВЕН?

Экстремизм, без сомнения, можно считать одной из главных проблем российского общества. Во-первых, это одно из опаснейших общественных явлений, которое затрагивает конфликтные сферы общественной жизни: межнациональные и межконфессиональные отношения, деятельность общественных объединений, выборы. А во-вторых, борьба с экстремизмом усложнена тем, что государство не определяет с достаточной точностью, что считается экстремизмом, что конкретно запрещено и влечет ответственность.

Понятие «экстремизм» в российском законодательстве является неопределенным. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями от 27 июля 2006 г., 10 мая, 24 июля 2007 г., 29 апреля 2008 г.)¹ фактически содержит не определение экстремизма, а перечисление направлений экстремистской деятельности. Нет ясности в том, какие конкретно деяния подпадают под указанные направления, поскольку они сформулированы расплывчато. Из формулировок Федерального закона с точностью не определить, в чем состоит общественная опасность перечисленных в нем деяний и почему именно они объединены как особая форма противоправной деятельности — экстремизм.

С одной стороны, нельзя утверждать, что противоправность перечисленных в законе направлений экстремистской деятельности и в целом самого экстремизма не имеет конституционных оснований. Понятия «насильственное изменение основ конституционного строя», «нарушение целостности государства», «разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни», «пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства» перенесены в упомянутый Федеральный закон из положений ч. 5 ст. 13, ч. 2 ст. 29 Конституции РФ,² содержащих запрет действий, направленных на данные цели. Однако данные понятия в Законе не

* Беглова Ольга Александровна — ассистент кафедры государственного и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

© О. А. Беглова, 2011

E-mail: beglovajurfak@yandex.ru

¹ СПС «КонсультантПлюс».

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

раскрываются, хотя очевидно, что формулировки конкретных противоправных действий, влекущих конкретные меры ответственности, должны быть более определенными, чем общие конституционные принципы. Не раскрыт в федеральном законе и точный смысл ряда других понятий: «оправдание терроризма», «пропаганда исключительности либо неполноценности», «социальная принадлежность», «атрибутика или символика, сходная с нацистской». Установление смысла, вложенного в данные понятия, затрудняется тем, что *общие критерии, которые позволяли бы понять, в чем состоит производимый экстремистскими деяниями негативный эффект, и объединяли бы разнообразные проявления экстремизма, в Федеральном законе отсутствуют.*

Обоснованность беспокойства подтверждает то, что критика используемого в России понятия «экстремизм» («экстремистская деятельность») выходит за рамки внутрисударственных масштабов. В октябре 2009 г. Комитет по правам человека ООН, рассмотрев шестой периодический доклад Российской Федерации (CCPR/C/RUS/6), указал, что определение «экстремистская деятельность» в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» остается расплывчатым, допускающим произвольный подход к его применению, и порекомендовал России пересмотреть указанный Закон.³ В ноябре 2010 г. на слушаниях, организованных Субкомитетом по правам человека Европейского парламента, посвященных правам человека в России, со стороны Европейской комиссии была высказана критика функционирующего в России механизма противодействия экстремизму, в частности за слишком широкое определение экстремизма.⁴

Между тем Конституционный Суд РФ не усматривает никакой неопределенности в формулировках экстремизма, несмотря на жалобы граждан на нарушение их прав положениями Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Суд полагает, что это вопрос правильности их истолкования и применения.⁵ Однако в *правоприменительной практике так и не найдены ясные критерии, как истолковать неопределенные формулировки закона, что становится причиной необоснованного привлечения к ответственности за экстремизм.* В практике складываются две негативные тенденции. Первая — это буквальное истолкование правоприменительными органами норм, определяющих экстремизм. *Меры ответственности применяются за любые действия, которые формально подпадают под перечень видов экстремистской деятельности без оценки эффекта, производимого конкретным деянием.* Это можно проиллюстрировать рядом примеров.

Газете «Саратовский репортер» в сентябре 2007 г. было вынесено предупреждение, законность которого подтверждена решением районного суда города Саратова, за размещение фотоколлажа «Закон Исаева — Штирлица».⁶ На нем был изображен В. Путин в виде советского разведчика Штирлица, одетого в форму штандартенфюрера СС. Подпись под коллажем гласила: «А вас, Штирлиц, я попрошу остаться». Было дано и пояснение: «Только человек с фамилией Исаев (речь шла о депутате Госдумы А. Исаеве) мог

³ Султанов А. Р. Проблемы применения норм законодательства о противодействии экстремизму // Российская юстиция. 2010. № 9.

⁴ <http://www.europarl.europa.eu/en/pressroom/content/20101130IPR03308/html/Human-rights-must-be-integral-part-of-EU-Russia-relations> (2011, 8 февр.).

⁵ Определение от 18 декабря 2007 г. № 940-О-О по жалобе Ю. Д. Петухова, Определение от 25 января 2007 г. № 82-О-О по жалобе С. А. Путинцева // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ <http://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2007/09/d11601/> (2011, 8 февр.).

выступить с инициативой о продлении полномочий лучшего Штирлица всех времен и народов на посту президента РФ». Экспертиза установила, что изображение мундира на фотоколлаже цветом, значками различия, абрисом наград напоминает форму войск СС, объявленную преступной по итогам Международного трибунала в Нюрнберге в 1946 г. На основании этого правоприменительный орган сделал вывод об экстремистском характере фотоколлажа. Он не учел, что данный коллаж не пропагандирует нацизм и В. Путин отождествлен не с представителем нацистской организации, а с конкретным героем — советским разведчиком Штирлицем, который как раз вел борьбу с нацизмом. Правоприменитель следовал букве закона: пропаганда и публичное демонстрирование нацистской символики запрещены. Однако он не учел, что данный запрет направлен против пропаганды нацизма, которая в данном случае не осуществлялась. Формальный подход привел к тому, что меры ответственности за экстремизм были применены необоснованно. Очевидно, что не любое публичное демонстрирование нацистской атрибутики будет экстремизмом. Иначе придется признать экстремизмом любой фильм и любую выставку о Второй мировой войне или военную постановку, реконструирующую сражение с учетом военной формы.

То, что данный случай не единичный и отражает общую тенденцию, подтверждается и другими примерами. Решением Нефтекамского городского суда Республики Башкортостан от 26 мая 2010 г. в Федеральный список экстремистских материалов была внесена реклама магазина молодежной одежды «EXTRA» за использование изображения двух расположенных рядом цветных молний, схожих с рунами нацистской организации СС.⁷ Суд формально применил норму о запрете демонстрирования сходной с нацистской символики, не оценивая, имел ли магазин целью пропагандировать нацизм или привлечь внимание молодежи модной символикой, используемой в течении нью-рейв. Приведенные примеры позволяют сделать вывод, что для правоприменительных органов не очевидны смысл и цель запрета отдельных видов экстремизма и необходимость оценивать и сопоставлять с ними эффект, производимый деянием. Если деяние формально подпадает под одно из направлений экстремизма, меры ответственности применяются «на всякий случай».

Вторая негативная тенденция в правоприменительной практике — это применение мер ответственности в случае, если деяние потенциально может произвести негативный эффект. Иными словами, одно только предположение правоприменителя о том, что то или иное деяние может создать опасность для общества, влечет ответственность за экстремизм. В сентябре 2009 г. было вынесено решение Гатчинского городского суда Ленинградской области о признании экстремистской статьи «Новый Че Гевара?», опубликованной в газете «Трудовая Гатчина». В ней поставлен риторический вопрос, не является ли Бен Ладен новым Че Геварой, так называемым освободителем нового типа? Текст статьи действительно неоднозначен, и при рассмотрении дела в суде были представлены противоречивые экспертные заключения. Изучив их, суд констатировал, что из представленных доказательств следуют различные точки зрения по вопросу отнесения публикации к экстремистской, что указывает на неоднозначное отношение к указанной статье в зависимости от образования, специальности и чувства юмора человека. Суд указал, что поскольку газета доступна широкому кругу лиц, восприятие текста читателем может быть неоднозначным и он может

⁷ <http://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2010/05/d18874/> (2011, 8 февр.).

усмотреть в тексте экстремистские мотивы. Используемые судом формулировки «неоднозначное отношение», «может усмотреть» свидетельствуют о том, что применение мер ответственности за экстремизм в данном случае лишено каких-либо конкретных обоснований и обусловлено лишь сомнением суда в правовой природе деяния.⁸

Данные тенденции свидетельствуют о том, что правоприменители не имеют четкого представления о том, как толковать и применять нормы, определяющие экстремизм. При этом проблема состоит даже не в том, что формулировки запрещенных деяний недостаточно детализированы: очевидно, что в законе невозможно подробно описать каждое действие, которое считается экстремизмом. Как демонстрируют приведенные примеры, правоприменителям не ясен сам смысл антиэкстремистских запретов, т. е. не ясно, что такое экстремизм и почему те или иные его проявления противоправны. *Чтобы устранить правовую неопределенность в нормах законодательства, необходимо установить критерий экстремизма, общий для всех его проявлений и позволяющий отграничить его от других деяний.* Поскольку он не закреплен в законодательстве, а виды экстремистской деятельности весьма разнообразны и по сфере общественных отношений, и по степени общественной опасности, вопрос о признаках экстремизма становится дискуссионным.

В научных исследованиях выделяются следующие ключевые признаки экстремизма: деятельный характер, идеологическая основа, противоправность и насилие.⁹ Однако они лишь описывают экстремизм, но не могут служить критерием, позволяющим отграничить экстремизм от других явлений. Деятельный характер присущ не только экстремизму, но и любым правонарушениям: невозможно привлечь к ответственности за мысли или идеи, пока они не выражены вовне. Наличие в основе того или иного деяния идеологии, нетерпимой к реализуемой в государстве или обществе системе ценностей, само по себе не свидетельствует об экстремистском характере данного деяния: например, предложения об изменении формы правления в России на монархическую идут вразрез с основами конституционного строя, но сами по себе экстремизмом не являются. Противоправность скорее не характеризует экстремизм, а является следствием его общественной опасности. Насилие характерно не для всех видов экстремистской деятельности, а кроме того, не любое действие, соединенное с насилием, будет экстремизмом. Таким образом, указанные признаки дополняют, но не заменяют критерии экстремизма.

Как представляется, критерии экстремизма должны быть таковы, чтобы с их помощью можно было отграничить экстремизм от иных противоправных, а также от правомерных деяний. Поскольку виды противоправной деятельности различают по объекту посягательства, а противоправные деяния от правомерных — по наличию общественной опасности, критерием экстремистской деятельности будет то, что данная деятельность посягает на особый объект и тем самым представляет особую опасность. При этом чтобы критерии экстремизма как особой формы противоправной

⁸ <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2009/12/d17458/> (2011, февр.).

⁹ Хлебушкин А. Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ / Отв. ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, 2007; Истомин А. Ф., Лопаткин Д. А. К вопросу об экстремизме // СПС «КонсультантПлюс»; Пономаренков В. А., Яворский М. А. Сущностная характеристика современного экстремизма // Юридический мир. 2008. № 2. С. 42; Пудовочкин Ю. Е., Узденков Р. М. Теоретические конструкции определения экстремизма: проблемы и перспективы // Криминологический журнал. 2005. № 2. С. 87; Ещенко С. А. Экстремизм: понятия и причины распространения // Общество и право. 2008. № 3; Ревина В. В. К вопросу о понятии экстремизма // Российский следователь. 2009. № 13.

деятельности имели конституционное основание, объектом посягательства должны быть определенные конституционно защищаемые ценности, а угроза, создаваемая экстремизмом этим ценностям, должна быть реальной (т. е. запрет экстремизма должен быть необходимым для их защиты).

Особый объект посягательств, отличающий экстремизм от внешне сходных противоправных деяний, — это безопасность государства и общественная безопасность. Исходя из перечня видов экстремистской деятельности, основные ценности, против которых направлен экстремизм, — это конституционный строй, целостность государства, свободные выборы, равенство и недискриминация. Посягательство на данные ценности неизбежно ставит под угрозу безопасность всего государства и всего общества в целом. Данный объект позволяет отграничить экстремизм от других противоправных деяний, которые хотя и посягают на определенные ценности, защищаемые государством, — права конкретных лиц, конкретные правила поведения, но не отрицают само наличие прав у людей и существование правил поведения как таковых. В отличие от них экстремизм направлен не против конкретных общественных отношений, а против более общих социальных ценностей — тех принципов, без соблюдения которых безопасное существование государства и общества невозможно.¹⁰ Они закреплены в российской Конституции как основные принципы устройства государства и общества: целостность и неприкосновенность территории государства, недопустимость захвата власти, неотчуждаемость основных прав, равенство и недискриминация, запрет разжигания розни в обществе.

Посягательство на безопасность государства следует отличать от нарушения конкретных правил поведения, установленных в сфере отношений личности и государственной власти (пример такого нарушения — невыполнение законных требований прокурора). И то, и другое противоправно, но последнее не ставит под угрозу само существование государства. Угроза возникает, когда посягательство направлено на насильственное изменение государственного строя и государственных институтов. Посягательство на общественную безопасность следует отличать от нарушения конкретных правил общественного порядка. Их несоблюдение также противоправно, поскольку вызывает беспокойство в обществе и несет вред его членам, но оно не угрожает обществу в целом. Угрозу представляют проявление и разжигание в обществе ненависти, основанной на нетерпимости одних членов общества к другим в связи с их различиями: раса, национальность, язык, религия, пол и др. Разжигание ненависти отрицает принципы равенства и уважения прав всех членов общества, без соблюдения которых их мирное сосуществование невозможно. Соответственно, раз экстремизм посягает на государственную и общественную безопасность в целом, права конкретного лица или конкретные правила поведения не являются основной и единственной целью его посягательства, хотя и могут затрагиваться. Между тем к экстремизму отнесены виды деятельности, которые явно посягают не на безопасность государства или общества, а на другие объекты: например, на достоинство и репутацию лица, замещающего государственную должность.¹¹

От правомерных деяний экстремизм отличается тем, что влечет реальную угрозу указанным объектам, а не потенциальный негативный эффект. Реальную угрозу

¹⁰ Хлебушкин А. Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ / Отв. ред. Н. А. Лопашенко.

¹¹ Там же.

содержит не каждое отрицание ценностей, признаваемых и защищаемых государством и обществом. Критика существующего государственного строя в рамках публичной дискуссии, конечно, может повлечь негативный эффект в обществе: вызвать беспокойство или раздражение у его членов. Однако это не должно быть основанием для ее запрета. Реальной угрозы в ней нет, пока она не перерастет в призыв к насильственным действиям против государственных институтов. Между тем в законодательстве экстремизмом названы не только очевидно опасные деяния (например, террористический акт), но и те, которые содержат лишь потенциальную угрозу. Например, публичное демонстрация нацистской символики несет угрозу не во всех случаях. Нет никакой угрозы в случае ее использования в исторических постановках.

Как представляется, отнесение к экстремизму деяний, которые потенциально могут оказывать негативный эффект на государство и общество, — это не принципиальный подход российского государства к пониманию экстремизма, а следствие расплывчатых формулировок. Подход, предполагающий, что государство налагает ограничения на все деяния, которые, возможно, спровоцируют совершение правонарушений, в практике США был отвергнут еще в середине XX в.¹² Конечно, такой подход позволил бы эффективно бороться с экстремизмом, однако он ставит под угрозу реализацию прав и свобод. В соответствии с демократическими стандартами ограничение прав должно быть не просто целесообразным, но необходимым. Как представляется, необходимость запрета деяний экстремистского характера, т. е. реальность создаваемой ими угрозы, должна не просто подразумеваться законодателем, но быть очевидна из формулировок экстремистской деятельности.

Вопрос состоит в том, что считать реальной угрозой в случае, если причинно-следственная связь между деянием и негативными последствиями неочевидна. Речь идет, в частности, о проявлениях экстремизма, основанных на распространении информации экстремистского характера. Сложно с точностью предсказать, какой эффект повлечет в обществе распространение той или иной информации. Применительно к таким проявлениям экстремизма подходы к реальности угрозы в разных государствах отличаются. В соответствии с подходом, используемым Верховным Судом США («Бранденбургский тест»), реальная угроза возникает только в том случае, если в публично выражаемых идеях содержится призыв к непосредственным противоправным деяниям и он действительно может инициировать их совершение.¹³ Угроза имеет место тогда, когда слова могут незамедлительно обратиться в действия. Известнейший пример, демонстрирующий американский подход к проявлениям языка вражды, — это дело, связанное с шествием членов американской нацистской партии в деревне Скоки, штат Иллинойс, в которой проживали жертвы Холокоста. Вопрос состоял в том, может ли право членов партии на свободу самовыражения быть ограничено для защиты жителей от душевных страданий. Федеральный суд подтвердил право на шествие, поскольку само по себе это шествие никаких противоправных действий не инициировало.¹⁴

Подобный стандарт сформулирован в Йоханнесбургских принципах «Национальная безопасность, свобода самовыражения и доступ к информации», принятых группой

¹² *Brett A. Barnett*. *Untangling the Web of Hate. Are Online «Hate Sites» Deserving of First Amendment Protection?* Youngstown, New York, Cambria Press, 2007.

¹³ *Ibid.*

¹⁴ *Errera R.* *Freedom of Speech in Europe and in the USA // European and US Constitutionalism, under the direction of G. Nolte*, Council of Europe Publishing, Strasbourg, 2005.

экспертов в области международного права, национальной безопасности и прав человека. В соответствии с данными принципами свобода слова может ограничиваться как угрожающая национальной безопасности, только если имеет целью призыв к насильственным действиям, действительно может привести к ним и имеется прямая и непосредственная связь между самовыражением и возможностью таких насильственных действий.¹⁵ В соответствии с данными принципами к информации, угрожающей национальной безопасности, не могут быть отнесены: критика политики государства, идеи о ее изменении, упоминания об организации, объявленной государством как угрожающей национальной безопасности, или о связанных с ней идеями или событиями. Данный подход позволяет отграничить поддержку хотя и радикальной, но абстрактной идеи от призыва к конкретным противоправным деяниям.

Однако некоторые даже абстрактные идеи, выражаемые публично, могут быть реальной угрозой безопасности общества и государства, если они способны разрушить ту систему ценностей, на которой основано мирное сосуществование членов общества. Это учтено в европейском подходе, который предполагает, что язык ненависти, направленный на определенную социальную группу, может нести угрозу и вред не только самой группе, но и обществу в целом. В основе данного подхода лежат принципы уважения достоинства личности, самоопределения, равенства и недискриминации, необходимые для благополучного существования общества. Общество уважительно относится к различным социальным группам и отрицает возможность агрессии в отношении личности или группы лиц в связи с их особенностями, что и обосновывает наличие правовых запретов языка вражды, даже если высказывания прямого призыва к насилию не содержат.¹⁶ Например, в ряде европейских стран отрицание Холокоста¹⁷ или отрицание геноцида армян¹⁸ является противозаконным, поскольку оскорбляет память общества. Европейский суд по правам человека в своем решении по делу «Lehideux and Isorni v. France» (1998) признал правомерность принятия законов об ответственности за отрицание Холокоста.¹⁹

При совершенствовании российского подхода к реальности угрозы необходимо принимать во внимание и американский, и европейский стандарты. Безусловно, прямые призывы или выражение намерения совершить противоправные действия, основанные на нетерпимости, несут реальную угрозу и должны быть запрещены. Однако призывы или намерения могут быть завуалированы в более абстрактных идеях, направленных на разжигание ненависти в обществе, от чего угроза не перестает быть реальной. К ним относятся те высказывания, в которых возможность совершения противоправных действий в отношении той или иной группы в обществе подразумевается. Так, оправдание или поощрение правонарушений, основанных на нетерпимости к той или иной группе в обществе, или отрицание прав у представителей определенной группы подразумевают, что в отношении них могут совершаться противоправные деяния. Такие высказывания не просто провоцируют конфликты в обществе, они лишают членов общества уверенности в том, что государство, игнорируя идеи о возможности

¹⁵ The Johannesburg Principles on National Security, Freedom of Expression and Access to Information, Freedom of Expression and Access to Information, U.N. // www.article19.org. (2011, 8 февр.).

¹⁶ *Errera R.* Freedom of Speech in Europe and in the USA.

¹⁷ Бельгия, Венгрия, Канада, Германия, Люксембург и другие // ru.wikipedia.org (2011, 10 февр.).

¹⁸ Аргентина, Швейцария, Уругвай и другие // ru.wikipedia.org (2011, 10 февр.).

¹⁹ en.wikipedia.org (2011, 10 февр.).

противоправных деяний, основанных на нетерпимости, не проигнорирует совершение таких деяний. Тем самым данные высказывания угрожают состоянию защищенности общества, т. е. создают реальную общественную опасность.

В то же время скрытые призывы к противоправным деяниям, основанным на нетерпимости, необходимо отличать от обсуждения проблем нетерпимости, от критики других культур или от продвижения своей культуры. Реальной угрозы они не несут, напротив, являются значимым вкладом в дискуссию между различными культурами, конфессиями, национальностями, которая едва ли может быть абсолютно бесконфликтной и безболезненной. Из формулировок экстремизма должно быть очевидно, что указанные деяния различаются: запрет налагается только на распространение идей, подразумевающих возможность совершения противоправных действий. В настоящее время в формулировках законодательства четкого разграничения нет. Запрещено не только возбуждение розни, что уже само по себе достаточно расплывчато, но и пропаганда исключительности и превосходства, под которую подпадают, например, высказывания религиозных людей о том, что их вера — единственно истинная и исключительная (свобода распространения религиозных убеждений).

Таким образом, к экстремизму должны быть отнесены лишь те деяния, которые реально угрожают безопасности государства и общественной безопасности, а именно: насильственные посягательства на государственную целостность и власть, а также разжигание в обществе ненависти, нацеленной на противоправные действия в отношении других членов общества. Из формулировок видов экстремистской деятельности должны быть ясны объект посягательства и реальность угрозы данному объекту. Это устранил опасность произвольного включения в данный перечень любых деяний, в которых государство усматривает потенциальный негативный эффект. Пример деяния, не подпадающего под критерий экстремизма — публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность, в экстремизме. Не ясно, что защищает данный запрет: если достоинство чиновника, — это не объект экстремизма, а если имидж государства, — нет реальной угрозы государственной безопасности.

Установление общего критерия экстремизма в законодательстве и уточнение в соответствии с ним видов экстремистской деятельности даст правоприменителям необходимые ориентиры для оценки экстремизма и позволит устранить упомянутые негативные тенденции в практике. При оценке конкретного деяния необходимо установить и обосновать наличие реальной угрозы государственной и общественной безопасности.

Поскольку реальность угрозы не всегда очевидна, в частности, когда речь идет о распространении информации экстремистского характера, во внимание должны приниматься все обстоятельства, которые могут повлиять на производимый деянием негативный эффект. К ним относится не только содержание информации, но и форма ее распространения, субъект распространения, его цель, а также обстановка, в которой информация распространяется.

Данные обстоятельства учитываются в практике Европейского суда по правам человека по делам о правомерности ограничения свободы слова государством.²⁰

Они названы в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 6 от 15 июня 2010 г. «О практике применения судами закона Российской Федерации «О средствах массовой

²⁰ Weber A. Manual on Hate Speech. Council of Europe Publishing, 2009.

информации»». Суд указал, что, выясняя вопрос, имело ли место злоупотребление свободой средств массовой информации в контексте законодательства о противодействии экстремизму, следует учитывать не только слова и выражения (формулировки), но и контекст, в котором они были сделаны, в частности, цель, жанр, стиль материала, можно ли его расценивать как выражение мнения в сфере политических дискуссий или как привлечение внимания к обсуждению общественно значимых вопросов, основан ли он на интервью и каково отношение интервьюера или редакции к высказанным мнениям, суждениям, утверждениям, а также необходимо учитывать общественно-политическую обстановку в стране в целом или в отдельной ее части.

Указанные обстоятельства должны учитываться в правоприменительной практике при решении вопроса о привлечении к ответственности за экстремизм.